ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ “МЕДАЛИ”...

«Две культуры» на пороге третьего тысячелетия. Так называется статья профессора Владимира Жидкова, начальника Отдела гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований, опубликованная в газете АН РФ «Поиск» № 2(348), 13 - 19 января 1996 г.

Процитируем начало названной статьи, дабы было понятно о чем идет речь:*«В середине нашего века Чарльз П.Сноу сформулировал проблему, которая и сегодня не потеряла своей актуальности - об увеличивающемся разрыве между культурой естественнонаучной и гуманитарной. Он утверждал, что между традиционной гуманитарной культурой европейского Запада и новой, так называемой научной культурой, производной от научно-технического прогресса XX века, с каждым годом растет взаимное непонимание, чреватое серьезными социальными конфликтами. Объяснить это можно тем, что научно-техническая культура человечества, развиваясь аддитивно, то есть прибавляя новые знания к уже достигнутым предшествующими поколениями, принципиально отлична от культуры гуманитарной, связанной не с изучением закономерностей окружающего нас объективного, физического мира, но с исследованиями различных аспектов и различных проявлений «жизни человеческого духа » (К.С.Станиславский). Сегодня, спустя почти сорок лет после знаменитой лекции Ч.П.Сноу «Две культуры и научная революция», прочитанной в Кембриджском университете, стал неизмеримо более актуальной.»* И завершают статью слова: *«Хотелось бы надеяться, что на пороге третьего тысячелетия конфликт двух культур, сформулированный Ч.П.Сноу, постепенно будет утрачивать свою актуальность.»*

Но человек, который о Ч.П.Сноу впервые узнал из статьи В.Жидкова, возможно что-то слышал о Г.Галилее и Дж.Бруно. И с точки зрения такого человека удивительно то, что профессионал-ученый начинает хронологию конфликта «двух культур» от Ч.П.Сноу, а не ХОТЯ БЫ от конфликта инквизиции со средневековыми естественниками. Эта застарелость конфликта «двух культур», по всей видимости, ускользнула и от Сноу, иначе бы при ссылках на его лекцию было бы затруднительно миновать обсуждения событий, относящихся к этому конфликту и имевших место в прошлые века. Это обстоятельство дает основание полагать, что существо некой застарелой болячки человечества Ч.П.Сноу определил неверно. И если действительно есть желание, чтобы эта застарелая проблема утратила со временем свою актуальность, то к её решению следует идти от *существа проблемы,* а не от ссылок на лекции одного из многих запутавшихся в ней профессоров.

Есть объективная реальность, частью которой является каждый человек; и есть средства описания объективной реальности: изобразительные искусства, лексика и грамматика, математика и др. Этими средствами каждый человек пользуется во-первых, в зависимости от уровня развития культуры общества, в котором он живет; и во-вторых, в зависимости от полученного им в этой культуре образования и от свойственной ему лично *субъективной культуры мышления и выражения своих мыслей.*

Соответственно общество несет в себе два типа культуры: 1) *культуру работы*, направленной на достижение некоторого множества целей, полезных для всех людей в преемственности поколений, и 2) *культуру имитации деятельности:* ***что бы ни делать - лишь бы не работать.***

В сфере науки конфликт между этими двумя типами культур выглядит для многих в качестве конфликта между естествознанием и гуманитарными науками. Причина этого отчасти в том, что говорить и писать мы все умеем с детства, и вследствие этого вхождение в область гуманитарных наук требует некоторой начитанности. С того момента, как математика стала языком естествознания, она закрыла легкий доступ в сферу естествознания многим имитаторам деятельности: освоение математического аппарата (а также понятийного аппарата физики, химии и других естественных наук) требует усилий и становится непреодолимой преградой для многих, что и отличает их от гуманитарных, язык которых доступен всем.

Поэтому, хотя химия жила некоторое время, пользуясь теорией флогистона, но она имела дело с объективной реальностью, практикой измерений и осмысления результатов, и когда теория флогистона перестала удовлетворять потребностям в описании объективной реальности, химия забыла «флогистон» и перешла к другому понятийному аппарату и терминологии, однако сохранив свое существо.

Гуманитарные же науки, вобрав в себя множество имитаторов деятельности, очень часто занимаются не исследованиями *различных аспектов и проявлений жизни человеческого духа*, а собственными фантазиями и извращениями в жизни человеческого духа имитаторов, отождествляющих наваждения, их обуревающие, с последними достижениями гуманитарных дисциплин, пытаясь при этом навязать их остальному обществу в качестве идеала для подражания. Когда наваждение исчезает и осознается в качестве бреда, то исчезает и былая научность некой дисциплины и она предстает перед думающими людьми в обнаженном виде шизофрении и графоманства.

В этот процесс обнажения шизофрении и графоманства вступил былой эталон научности нашего общества - марксизм: такие категории марксистской политэкономии, как *прибавочная стоимость*, *основное и необходимое рабочее время, потребительная стоимость* объективно не фиксируемы в процессе реальной хозяйственной деятельности общества. Они являются словами-знаками, фантазиями, тонкими намеками, на толстые обстоятельства, о которых не принято говорить в “приличном обществе”. После того, как общество осознает новую метрологически состоятельную политэкономию, то марксистские фолианты займут в истории то же место, что и средневековые фолианты на тему о том, сколько чертей может разместиться на кончике иглы.

Сказанное не означает, что естествознание нашей цивилизации свято, чем якобы и отличается от гуманитарного комплекса научных дисциплин. Естествознание столь же больно, как и гуманитарные науки. Именно по причине болезненного состояния естествознания, как общественного явления, возник глобальный биосферно-экологический кризис.

Ученый должен быть прежде всего добронравным человеком, а не бесчувственным роботом-исследователем, подобным луноходу, но действующему на Земле; и тем более не злодеем. В естествознании же в течение веков господствует культ преклонения перед интеллектуальной мощью гения, которому за его интеллектуальную мощь общество должно простить его бесчувственность и злоумышления. Иначе как понимать слова академика Н.Н.Моисеева?

Обратимся к изданию “Горбачев-Фонда” (возникновение его стартового капитала - это особый нравственно-этический и уголовно-юридический вопрос) “Перестройка. Десять лет спустя” (Москва, “Апрель-85”, 1995 г., тир. 2500 экз., т.е. издание под негласным грифом “для элиты”).

Стр. 159, искусствовед Андреева И.А. **сумбурно** (цитата, стр. 156, выделено нами: СУМБУР В МЫСЛЯХ и наука несовместимы) высказывает следующее: «Нравственные основы - это высоко и сложно. Но элементы этики вполне нам доступны.» Это сказано после того, как мимо ушей искусствоведа (лирика) прошли слова “физика” - математика и якобы экологиста, академика РАН Моисеева Н.Н.: “Наверху (по контексту речь идет об иерархии власти) может сидеть подлец, мерзавец, может сидеть карьерист, но если он умный человек, ему уже очень много прощено, потому, что он будет понимать, что то, что он делает, нужно стране.” (стр. 148) -

Никто не высказал возражений, хотя по умолчанию академик фактически огласил: “То, что хорошо для умного подлеца, - хорошо для всей страны”. Это умолчание академика не страшит, ни его самого, ни других участников дискуссии. А что же страшит “естествоиспытателя”? Об этом далее он говорит вслух: “Чего мы боялись? Мы боялись того, о чем писал А.А.Богданов в своей “Тектологии”: когда **возникает** некая система (организация), она рождает, хочет она этого или нет, собственные интересы. Так случилось с нашей системой. **Возникла** определенная элитарная группа, которая практически узурпировала собственность огромной страны”.

Сказанное им - ложь, поскольку “определенная элитарная группа” не **возникла** из ничего; ее породил принцип сформулированный выше академиком. Умные подлецы и мерзавцы действительно самоорганизуются и неизбежно породят собственные подлые и мерзкие интересы и бу-

дут их умно и энергично реализовывать, опираясь на научно обоснованные нравственно порочные догмы, порожденные гуманитриями и естествоиспытателями, несущими в себе такого рода нравственность и культуру мышления, как у участников дискуссии в “Горбачев-Фонде”.

Но все это естественнонаучную “элиту” не беспокоит ни во времена Галилея, ни во времена “застоя”, ни во времена развала, ибо она всегда, по утверждению Н.Н.Моисеева, боролась с монополизмом, “создавая корпорации, которые имели бы возможность конкурировать” (стр. 150). Академику невдомек, что при конкуренции подлецов и мерзавцев наверху всегда окажется самый интеллектуально мощный подлец и мерзавец. И хотя в “Горбачев-Фонде” собрались поболтать о жизни в сытую для них годину общенародного бедствия и “гуманитарии”, и “естествоиспытатели”, при всем старании невозможно выявить в их дискуссии ни малейшего следа конфликта “естественнонаучной” и “гуманитарной” культур; нет даже намека на него.

Участники дискуссии - элита “интеллигенции” - обеспокоены другим конфликтом культур: «Вот тут говорилось о рабоче-крестьянской интеллигенции. Но вы только вдумайтесь в то, что происходит в течение семидесяти лет, когда нужно было доказать ничтожество своего происхождения в поколениях для того, чтобы занять власть, чтобы ее иметь.» - говорит “первоиерарх” кинематографии Н.С.Михалков - президент Российского фонда культуры.

Кино - это, как раз то средство, которое в зрительных образах и в музыке, сопровождающей фильм, входит непосредственно в подсознательный уровень психики, пока расслабленное сознание отдыхает, услаждаясь зрелищем; а эстетизм или антиэстетизм персонажей искусства - средство воздействия на формирование нравственности в обществе, в его последующих поколениях прежде всего, включая и нравственность будущих естествоиспытателей и гуманитариев.

Теперь остается вспомнить эстетически совершенный фильм Н.Михалкова “Неоконченная пьеса для механического пианино”. В нем есть эпизод: деревенского парня сажают за пианино-автомат, звучит мелодия и у О.Табакова, играющего роль аристократа-бездельника, выпучиваются от изумления глаза. Когда же выясняется, что пианино - самоиграющее, аристократ радостно самоутверждаясь кричит: “Я же говорил: Чумазый не может! Чумазый не может!”. И этот эпизод из художественного фильма , но уже в жизни, продолжают слова Михалкова о том, что семьдесят лет элитно-породистым высокородиям “умникам” приходилось изображать из себя “чумазых”, якобы низкой породы. При этом следует обратить внимание, что пустословящий о любви к родине художник кино, далее в своем выступлении по отношению к власти в обществе употребляет слова “ее иметь”. Власть в интересах общества иметь, как наложницу или проститутку, невозможно. **В интересах общества власть осуществляют.**

И ***культура человечности*** не менее строга к точности словоупотребления, чем математика строга к точности вычислений и употребления ее понятийного и символьного аппарата, и именно это качество и отличает культуру ***человечности*** от ***гуманитарной*** культуры. Хотя вроде только латинское слово заменено русским, но как многое изменилось в смысловой нагрузке термина “культура”.

В этом нет ничего нового: вспомните предупреждение Христа: ибо от слов своих человек осудится и от слов своих оправдается.

И если, как пишет сам В.Жидков «в современной физике все более активно применяются понятия психологии. Например у микрочастиц физики обнаружили такие свойства, как очарование, цвет, запах, аромат. Были найдены даже шизоидные частицы (шизоны). Физики установили, что траектория микрочастицы - это результат некоего выбора, то есть элементарным частицам приписываются определенные элементы сознания», то сказав “А”, следует сказать и “Б”: есть высший по отношению к Мирозданию Разум, а в конфликте «двух культур» (естественно-научной и гуманитарной) проявляется осатанелость науки и безбожие религии, которые обе не в ладу с Всевышним вследствие упорствования в злонравии “элитарного” самопревознесения возомнивших о своей интеллектуальной мощи и образованности, многие поколения которых поставили планету на грань биосферно-экологического и военного самоубийства, вследствие того, что нарастив техническую энерговооруженность, человечество в целом сохранило силовое “мышление” рабовладельческой эпохи.

В контексте конфликта «двух культур» - по существу конфликта сатанизма и Богодержавия (Царствия Божиего на Земле - в привычной формулировке, известной со времен Христа) удивляет

глухариное токование редакции “Поиска”, будто в обществе не существует определенных мнений, кроме разного рода выражений недоумения, подобных тому, что высказал профессор Жидков.

Еще в бытность СССР в “Поиске” № 12, июль 1989 г. было опубликовано приглашение президента АН СССР Гурия Марчука к дискуссии на тему «Какой быть науке?» Редакции тогда из, еще Ленинградского, университета был передан отклик на статью Марчука ***«Для чего быть науке?»***, впоследствие фрагментарно опубликованный под названием “Концептуальная власть: миф или реальность?” в журнале “Молодая гвардия”, № 2, 1990 г.

В том отклике многие вещи были названы свойственными им именами. В частности было сказано, что облик и существо науки в обществе - это следствие того, как общество, и прежде всего сами ученые, отвечают себе на вопрос: Для чего быть науке?

Если ***науке быть для того, чтобы производить знания на коммерческой основе***, то наука будет продажна настолько, насколько она затрагивает интересы тех, кто контролирует финансовую систему.

Если ***науке быть для того, чтобы люди жили безбедно в ладу с биосферой планеты***, то наука перестанет быть современным продажным знахарством. И с этим ее нравственным и этическим (в том числе и религиозным) преображением исчезнет ***знахарский орден*** *злонравия и шизоидного графоманства,* две стороны которого спорят между собой, а своими ошибками и заведомой ложью отравляют жизнь другим людям на протяжении веков. Этот знахарский орден - обременительная “академическая медаль” на шее человечества. От нее действительно пора избавиться.

7 февраля 1996 г.